

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ИНФОРМАЦИЯ...

Т.Г. ИВАНОВА
(Санкт-Петербург)

КНИГА О БЕСЁДНОЙ ПЕСНЕ

Рецензия на: Калашникова Р.Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века / Гос. историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский». — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. университета, 1999. — 164 с.

Многие группы песенной лирики русского народа представляют собой самые неразработанные пласты фольклорной культуры. Одному из таких пластов — посиделочным песням зимних вечеров заонежской традиции — посвящена рецензируемая книга Р.Б. Калашниковой «Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века» (Петрозаводск, 1999).

Исследование Р.Б. Калашниковой очень современно в своих подходах к определенным явлениям фольклора. Бесёдные песни, на протяжении долгого времени квалифицировавшиеся нашей фольклористикой как группа необрядовой лирики, в работе обретают обрядовое значение и корни. Принципиально важно, что бесёдная песня в книге рассматривается не в обнаженном вербальном выражении, а как текст, раскрывающийся в вербальном, музыкальном, акциональном, предметном «языках» народной культуры. Хотим также отметить еще одну положительную черту монографии Р.Б. Калашниковой — хорошую источниковедческую базу. Здесь собран воедино разбросанный в различных периодических изданиях материал по заонежской бесёде. Автором вводится в научный оборот значительное число неопубликованных материалов из архива Карельского научного центра, Московского университета, Русского географического общества, Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного литературного

музея, Пушкинского Дома. Наконец, в работе широко используются собственные записи исследовательницы.

Книга имеет четкую структуру, благодаря которой читатель получает возможность познакомиться с явлением всесторонне, следуя от этнографического аспекта к сугубо фольклористическому. Вслед за введением в первой главе — «Молодежная заонежская бесёда второй половины XIX — начала XX в.» — дается обобщенное этнографическое описание такого феномена культурной жизни деревни, как бесёда, и раскрывается суть этого явления, во время которого происходит символическое достижение девушками и парнями статуса невест и женихов. Весьма удачно автор проясняет семантику «круга» в бесёдном действе: «круг» отделяет холостую молодежь от семейных. Выразительным выглядит тот фрагмент главы, где описываются обряды, связанные с мифологемой «славутности» («цень») девушки.

Вторая глава — «Игровая и обрядовая функции бесёдных песен» — является центральной в исследовании. Фольклористка рассматривает бесёду как игровую версию свадебного обряда. В бесёдных песнях, по мнению автора, происходит своеобразное игровое переживание свадебного действия. Главная песня заонежских бесёд «Перепелка» трактуется Р.Б. Калашниковой как ритуал сватовства; «утушные» песни бесёды (или парочные песни) как сведение, соединение молодых; бесёдные песни, сопровождающие игры и пляски внутри круга, как манифестация благословения молодых «миром» на брак. Подчеркнем, что подобное прочтение бесёдных песен безусловно новое слово в науке. Игровая природа бесёдной песни исследовательницей полностью доказана.

На страницах своей работы Р.Б. Калашникова не раз вступает в спор со своими предшественниками, среди которых немало авторитетных в фольклористике исследователей. Во второй главе, например, отталкиваясь от очень важного методологи-

ческого положения Л.М. Ивлевой о том, что игра определяется двумя значимыми признаками — перевоплощением и действием, Р.Б. Калашникова одновременно спорит с нею. Согласно мнению Л.М. Ивлевой, в хороводе отсутствует обязательная для игры стихия НЕ-Я, и поэтому хороводный материал отделяется ею от остального фольклорного материала игрового типа (то есть от фольклорного театра, ряженья и др. форм). Автор же рецензируемой монографии, как нам кажется, убедительно доказывает, что в хороводном действе Я все-таки перевоплощается в НЕ-Я: «Безусловно, что Я и НЕ-Я в хороводе сосуществует на очень близком расстоянии, однако Я — ИДЕАЛЬНАЯ НЕВЕСТА — это не только демонстрация девушкой своего статуса, места в коллективе, своей общественной функции, но и игровое воплощение своей мечты об идеальном замужестве» [Калашникова 1999, 47].

Столь же убедительным в работе Р.Б. Калашниковой выглядит и утверждение обрядового значения бесёдных песен. Проведенный ею текстологический анализ песенного материала наглядно выявил в текстах наличие заговорных формул, монологов-обращений, выраженных в императивной, заклинательной форме, многочисленных примеров «присушивательной» символики, характерной для заговоров-присушек. Установлены фольклористкой и генетические связи отдельных бесёдных песен со святочными обрядами, со свадебными величальными песнями. Анализ посиделочных песен позволил автору прийти к следующему их определению: «<...> бесёдная песня — это игровая песня со свадебной семантикой и "присушивательным" подтекстом» [Калашникова 1999, 116].

В третьей главе — «*Жанровое своеобразие бесёдных песен*» — автором в очередной раз ставится до сих пор неразрешенный в нашей науке вопрос о жанровой классификации народной лирики. Вопрос этот и в исследовании Р.Б. Калашниковой до конца не решен, но автор правильно указывает на пути его решения: жанровые и полижанровые образования должны выделяться не только на основе поэтической формы песен (а может быть, не столько на основе формы), но и на основе их функциональной роли в народной традиции. Плодотворной представляется попытка, исходя из классификационных схем, предложенных И.И. Земцовским и Б.Н. Путиловым, описать песни из цикла заонежских бесёдов.

Не все положения монографии выглядят одинаково доказанными и бесспорными.

Так, Р.Б. Калашникова склонна считать, что зимний хоровод, в отличие от весенних и летних игр, явление достаточно позднее. Однако сама же исследовательница убедительно показывает не только игровую, но и обрядово-заклинательную сущность бесёды, что, на наш взгляд, позволяет отнести формирование «игримых» бесёдов к достаточно раннему периоду. Бесёда является игровой формой свадебного обряда, структура же свадебного обряда, каковой мы ее знаем в XIX в., без сомнения, сформировалась уже к XVI в., о чем свидетельствует, например, такой памятник письменности, как «Домострой», или же записи о великокняжеских и царских свадьбах. Не исключено, что структура свадьбы — явление еще более раннее. Если рассматривать бесёду как своеобразную «кальку» со свадебного обряда, то логично предположить параллельное формирование двух названных ритуальных циклов и одновременное (или почти одновременное) их оформление.

Значение книги Р.Б. Калашниковой заключается не только в продуктивности частных выводов. Гораздо важнее то, что рецензируемая монография обладает большим исследовательским потенциалом. Она заставляет читателя задуматься над многими аспектами устно-поэтической традиции, побуждает его прояснить для себя ряд других вопросов, связанных с фольклорной культурой. Так, очевидна необходимость на новом методологическом уровне осмыслить проблему сравнительно-типологического сопоставления зимнего и летнего хороводов. Полагаем, что этот путь исследования может углубить наше представление об обрядовом характере зимней бесёды. Вероятно, при этом может выясниться значительное несовпадение семантики летнего и зимнего хороводов. В частности, очевидно, что в летнем хороводе весомым является начало, связанное с аграрно-производящей магией. В зимней бесёде оно практически отсутствует.

Читатель неизбежно задумается еще над одним вопросом сравнительно-типологического характера. В работе рассматриваются так называемые «игримые» бесёды, куда девушки приходили без работы, то есть бесёды-праздники. Р.Б. Калашникова касается и вопроса о «прядимых» бесёдах, акцентируя внимание на том, что в таких бесёдах (где, как правило, отсутствовали парни) происходило обучение девушек правилам свадебного обряда — своеобразная репетиция этого важного акта. Однако многое остается неясным. Каков был вербаль-

но-музыкальный репертуар «прядимых» бесёд? Какие песни пелись там? Насколько песенный репертуар «игримых» и «прядимых» бесёд совпадал и насколько отличался? Мы прекрасно осознаем, что ответы на эти вопросы целиком зависят от состояния источников, которые в своих описаниях, как правило, не содержат необходимых деталей. Тем важнее сейчас разработать такую методику опроса последних информантов, еще помнящих о беседах тридцатых годов, которая помогла бы собрать необходимые сведения о праздничных и обыденных посиделках.

Укажем на еще один аспект зимних хороводов, который обращает на себя внимание после прочтения работы Р.Б. Калашниковой. В своем исследовании автор внутренне встает на позицию главной героини беседной игры — девушки. Второй персонаж зимнего хоровода — холостой парень — всё время остается на заднем плане. Тем не менее нам он представляется равноправным персонажем игры. (Заметим в скобках, что мужской «текст» фольклорной культуры до сих пор остается недостаточно осмысленным нашей наукой. Так, в свадебном обряде многогранно описан «текст» невесты, «текст» же жениха остается практически неизученным.) О важной роли парня на беседах свидетельствуют и немногочисленные факты этнографического порядка, приведенные в первой главе монографии, и «Указатель мотивов беседных песен Заонежья», данный в приложении к книге (где с образом девушки связано 90 мотивов, с образом молодой жены — 21 мотив, а с образами холостого парня и молодого мужа немногим менее — соответственно 72 и 13). Беседная песня, таким образом, не сосредоточивается исключительно на образе девушки. Внимательное изучение индекса мотивов с очевидностью указывает на параллели некоторых тем, связанных с женским и мужским персонажами беседной лирики. К примеру, молодая жена топит старого мужа в море (мотив 20 в соответствующем разделе), так же поступает и молодой муж с нелюбимой женой (мотив 12); девушка идет по берегу и поет радость-песню (мотив 68), по берегу ходит и молодой парень (мотив 25) и т.д.

Монография Р.Б. Калашниковой «Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX века» принадлежит к бесспорным удачам отечественной фольклористической мысли. Полагаем, что это исследование будет востребовано и этнографами, и фольклористами, и другими специалистами по народной культуре.

Научный симпозиум «НАРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА: ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЭНТИТЕТ ЭТНОСА» и V Международная школа молодого фольклориста

4—8 июня 2001 г. в Архангельске проходили два больших научных мероприятия: международный научный симпозиум «Народные культуры Русского Севера: фольклорный энтитет этноса» и V Международная школа молодого фольклориста «Комплексное собрание, систематика и экспериментальная текстология фольклора». Их организатором выступила лаборатория фольклора Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. В организации и проведении симпозиума также принял участие Институт изучения культуры Университета Хельсинки.

На симпозиум, который проходил 4—5 июня 2001 г., в Архангельск прибыли специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Петрозаводска, Вильнюса, Тарту, Хельсинки, Йоенсуу. С приветственным словом к участникам симпозиума обратились зав. отделом науки и высшей школы Администрации Архангельской области, доктор философских наук Е.В. Кудряшева и проректор по научной работе ПГУ, доктор исторических наук В.И. Голдин.

Открыл симпозиум доклад члена-корреспондента РАН В.М. Гацака (Москва) «Формы и уровни этнопоэтической константности». Рассматривая фольклорный текст как многоуровневую, многослойную систему, исследователь сосредоточил внимание собравшихся на основных его структурных единицах — формуле и константе. В центре выступления оказалась этнопоэтическая константа с присущей ей гибкостью словесного воплощения, способностью переходить из жанра в жанр и из традиции в традицию.

Участники симпозиума с интересом прослушали доклад А.-Л. Сиикала (Хельсинки) «Вариативные исполнительские стратегии рунопевцев». В нем специально рассмотрению подвергся вопрос о способах исполнения рун, и прежде всего о пластике рунопевцев при исполнении калевальской эпи-